

Елена Сазанович

Предпоследний день грусти

Елена Сазанович

Предпоследний день грусти

«Автор»

Сазанович Е. И.

Предпоследний день грусти / Е. И. Сазанович — «Автор»,

Повесть.

© Сазанович Е. И.

© Автор

Елена Сазанович

Предпоследний день грусти

повесть

Впервые опубликована в 1997 г. в журнальном варианте в литературном журнале «Юность», № 6. Вышла в авторском сборнике «Предпоследний день грусти», 1998 г., «ЭКМО Пресс»

Что ж. Иногда бывает как-то не по себе. Когда ходишь из угла в угол. И не находишь себе места. Когда хочется плакать, а слез уже давным давно нет. Когда хочется думать о будущем. Но будущего осталось так мало. И поэтому с жадностью цепляешься за прошлое. И зываешь к нему о помощи. И нет объяснения этому состоянию. Хотя. Возможно. Это просто погода.

Хмурое небо. Мутные лужи. Хриплое завывание ветра. И почему-то много-много яркой. Пестрящей зелени. И почему-то – лето. А, возможно, это просто старость не дает покоя. Потухшие глаза. Ослабевшее тело. И почему-то – сильные. Четкие удары сердца. Словно сердце помимо воли еще что-то ждет...

Я все хожу из угла в угол своей комнаты, заваленной книгами, журналами, нотными листами. Заставленной цветочными горшками, статуэтками, пустыми коробками от бывших подарков. Завешенной картинами, плакатами, афишами и одной единственной иконкой.

И среди этого хаоса и беспорядка – в самом углу – мой единственный друг. Переживший со мной поражения и победы. Виолончель. И мне так не хочется к ней приближаться. Наверно, потому, что я понимаю – она вряд ли уже сможет мне помочь...

Виолончель (пояснение) – музыкальный инструмент скрипичного сем. басотенорового регистра. Появился в XV-XVI вв... Классические образцы созданы итальянскими мастерами XVII-XVIII вв.: А. и Н. Амати, Дж. Гварнери, А. Страдивари...

До обидного мало записано в Большой Советской Энциклопедии о моем старом. Верном друге. До обидного мало и мне есть что добавить к этому.

С виду это очень грубый. Очень громоздкий инструмент. В нем так мало женственности. И так много силы. Ее звук певучий. Звонкий. Густой. Напоминает по тембру человеческий голос, скорее всего – баритон. И этот голос всегда звучит благородно. Даже если рассказывает не о самых достойных поступках. В этом и есть преимущество виолончели перед другими инструментами. И она – единственное. Что я еще люблю в этой жизни. И это единственное. Чем я еще дорожу в этой жизни.

У нас с ней очень много общего.

Жили мы одинаково. И доживаем одинаково. Ее лакированную кожу так же покрыли трещины и морщины. И голос ее так же охрип. И фигура так же ссутулилась. Но мы не печалимся по этому поводу. Мы выше этого. Мы отлично усвоили. Что молодость – это очень мало. А, возможно, это – ничто.

– Ну что, мой старый верный товарищ? Молчишь?

Да. Молодость – это очень мало. Мы были когда-то чертовски молоды. И мне самой в это трудно поверить. Не то, что другим.

Кто смотрит на мои поседевшие пряди волос. На мои глубоки морщины на лице. На мои сухие тонкие руки. На потускневшие глаза в обрамлении темных кругов. На мои сутулые плечи.

И походка моя отяжелела. И в моих пожелтевших зубах постоянно торчит китайский бамбуковый мундштук. С сигаретой.

Нет. Старость меня не тревожит. И жалеть мне вовсе не о чем. По сравнению с моими ровесниками я выгляжу довольно сносно. И даже где-то привлекательно. Насколько привлекательно может выглядеть постревшая женщина. Но половина моих сверстников уже давно сводит счеты с Всевышним. А другая половина страдает одышкой, сердечными недугами и проводит остатки дней на больничной койке.

Я же... Я же еще способна вот так ходить из угла в угол по комнате. Пытаясь зацепиться за прошлое. Чтобы не испугаться будущего. Которого осталось совсем мало. Я способна даже приблизиться к своей верной подружке. Виолочели. И даже что-нибудь сыграть. Из моей прошлой жизни. Правда, я не любитель искусства. И не любитель своей прошлой жизни. Да и не притрагивалась я к инструменту довольно долго. Но сегодня...

Именно сегодня мне захотелось прикоснуться к виолончели. Ведь когда-нибудь должен был бы сыгран последний аккорд. И именно сегодня. Когда хмурое небо. Мутные лужи. Осипший ветер. И почему-то – лето. Мне так захотелось к ней притронуться. Обнять ее крепко-крепко. И сказать:

– Ну что, моя милая старушка? Соскучилась? Почему бы сегодня нам не потряхнуть стариной. И не вспомнить музыку своей прошедшей жизни? Вдруг завтра уже не наступит?

О, чего мы только с ней не играли.

И мазурки. И рондо. И сонеты. И прелюдии. И романсы. И полонезы. И польки. И вариации. Даже марши. И те мы с ней успешно одолевали.

Я наливаю себе крепкую настойку из черной рябины. Я могу это позволить себе сегодня. Вдруг завтра уже не наступит? Боже. Сколько же лет прошло... И я залпом выпиваю. Что ж. Теперь я снова полна сил. Воспоминаний и молодости. О которой я совсем не жалею. Было бы о чем жалеть. Ведь молодость – это так мало. А, возможно, это – ничто.

Я аккуратно помещаю виолончель на специальный стул. Как делали это давным-давно. Наши мудрые предки. Это теперь умудрились приспособить металлический шпиль. Который упирается в пол. И исполнитель играет сидя. Поместив инструмент между колен. Нет. Я – не сторонник таких методов. Я считаю. Что музыку нужно играть стоя. Только так можно выразить свое уважение к музыке. И к своему прошлому. Прошлое и музыку почитают стоя...

Я беру в правую руку смычок. И моя рука чуть дрожит.

Ну-с. С чего мы начнем? Прекрасно! Начнем с этюдов...

Мой кот был не совсем обычного цвета – цвета морской волны. Мне, кстати, так остро-чертел один и тот же вопрос: «Где ты выкопала такого странного кота?» Где я выкопала? Да нигде я его не выкапывала. Он сам ко мне пришел...

Я проснулась ранним-ранним утром. Когда – роса, туман, блики солнца на оконном стекле. И прочая послерассветная чепуха.

Я протерла глаза. Взглянула в окно. И мне эта послерассветная чепуха понравилась. И я решила не идти в школу. Это решение свалилось на меня внезапно. Вместе с утренним солнцем. Я больше чем уверена в этом. В школу по этой причине я и не пошла. И тут ко мне заявился кот самого необычного цвета – цвета морской волны.

Мне позвонили в дверь. Я, зевая, стала ее открывать. А перед глазами – пустота. Кроме лестничной клетки, конечно. Тут мой взгляд опускается вниз. И сталкивается со взглядом огромного, жирного кота.

– Ничего себе! – выкрикнула я от удивления. О таком. Именно таком коте. Я мечтала всю свою жизнь. Неужели мечты всегда так легко сбываются. Учитывая, что прожила я совсем мало.

– Киска, кисонька, кис-кис-кис, – я гладила кота. Целовала его в морду. – Заходи, милый, я причешу тебе усы.

Кот не заставил себя долго ждать. И переступил порог. Важно ступая мохнатыми лапами.

Я держала кота перед зеркалом. И расчесывала ему усы. Кот улыбался. Я бы не сказала. Что его улыбка была добродушной. Или открытой. Или бесхитростной. Скорее – ироничной и лукавой. Но мне эта улыбка пришлась по вкусу. И с тех самых пор мы с котом улыбались одинаково.

И я решила. Что этой своей радостью нужно непременно поделиться с мамой. Отлично зная ее трепетное отношение к живой природе.

Я стояла на пороге ее спальни, держа в руках кота. И пушистые лапы этого славного животного щекотали мои голые коленки.

Маму я застала в знакомой позе. Она лежала, расплостав руки на широкой постели. И ее длинные черные волосы прядями расползлись по белоснежной простыне. Ее голова была повернута вправо. К огромному зеркалу. В стиле Людовика-IV. И ее утонченное лицо выражало утонченную печаль. И в ее раскосых синих глазах скапливались капельки слез. Да. Эта поза была мне хорошо знакома. Мама в очередной раз переживала трагедию любви.

Мама, не отрываясь, разглядывала себя в зеркале французского короля. И видела, как у нее впали щеки от переживаний. Как появились синяки под глазами. От потрясений. Как побледнело лицо. От отчаяния.

Мамино сердце готово было разорваться на части. В очередной раз. Но до разрыва так и не доходило.

– Мамочка, посмотри. Какой замечательный котик. Лапочка какая. Кис-кис. Тебе нравится? Правда, симпатяга? Он будет у нас жить. Хочешь. Он поселится прямо у тебя в спальне? Ему здесь обязательно понравится. Он тоже любит смотреться в зеркало. А по утрам он будет мило мяукать. Вместо этого дурацкого будильника. Я думаю у него есть слух...

– Что? Ты что-то сказала? – Мама плавно повернула голову в мою сторону. И трагедия любви в тот час испарилась с красивого мамино лица. – Боже! Кто это! Кто это чудовище! Брось сейчас же! Он тебя съест! И меня тоже! Брось!...

– Мамочка! Успокойся, родная. Это хороший котик. И он вовсе не людоед. Его Жаном зовут, – ляпнула я наугад первое попавшееся имя.

– Жаном? Почему Жаном? При чем тут французы? Русских имен что ли мало?

– В честь Жанны Д«Арк, народной заступницы и великомученицы.

Вдруг мама вспомнила, что она несчастна. И вновь повернула голову к зеркалу. Чтобы доказать себе. Что она не обманывается.

Я пошла к выходу.

– Люсенька! – вскрикнула мама. – Люсенька, подойди ко мне. Пожалуйста.

Я нехотя приблизилась к ее белоснежной постели.

– Девочка моя родная, крошечка моя. Маленький мой человечек, – мама прижала меня вместе с котом к своей груди. Гладила мои волосы. Целовала лицо. И глаза моей мамы смотрели поверх меня. В зеркало. И на лице моей мамы по-прежнему отражалась трагедия очередной любви...

Когда маме надоело меня обнимать. И когда она почувствовала. Что долг материнской любви честно исполнен. Он выставила меня с котом за дверь. А сама осталась страдать в одиночку. На широкой белоснежной кровати.

Первое чувство, которое я испытала в жизни – это чувство равнодушия. Хотя, говорят, это вовсе и не чувство. Это – ничто. Это – когда уже нет никаких чувств. Говорят. Это когда не испытываешь ничего, после глубоких переживаний и бурных ощущений.

Я же. Никаких эмоций еще не пережив. Первым делом испытала равнодушие. Равнодушные к своей матери. С самого рождения. С того самого мгновения. Когда она силой оторвала меня от своей груди. Заявив на весь мир. Что грудное молоко портит фигуру. Фигура для моей материя являлось одним из смыслов (или продолжением смысла) жизни. И я. С отвращением глотнув «Малыша». Сразу же познала равнодушие.

Правда, несправедливо не упомянуть, что маму все-таки мучали угрызения совести. И она. Развалившись на широкой постели. И повернув голову к королевскому зеркалу. Просила Всевышнего простить все ее грехи. И Всевышний почему-то прощал. Почему он это делал – для меня долго оставалось загадкой. И лишь спустя многие годы я поняла, что моя мать была достойна. Не равнодушия. А скорее – жалости и сострадания. Может быть, открытого неприятия. И открытого отчуждения. Да чего угодно! Но только не равнодушия.

И лишь спустя многие годы я поняла, что эта женщина. Которой Бог дал и ум. И удачу. И красоту. И талант. Так никогда и не познала чувство любви. Чувство той любви. Которую она сама выдумала. Той любви, которой на свете вообще не бывает.

А на свете бывает совсем другая любовь. Но эта другая любовь маму совсем не устраивала. И только спустя многие годы я поняла. Что основное предназначение моей матери на земле – это быть горячо любимой. И горячо любить. Под южным солнцем. Под северным небом. Не все ли равно? В безжизненной пустыне. В огромном городе.

Не все ли равно?

Но Бог лишил ее этого. Или лишила себя этого она сама...

Но эти разумные мысли посетили меня спустя многие годы. А сегодня...

А сегодня я была просто равнодушна к своей матери. Я с нескрываемым равнодушием глядела на ее черные густые локоны волос. Которые она любила наматывать на палец, Чуть склонив голову. На ее голубые раскосые глаза. Которые она любила щурить. Наполняя то смехом, то слезами. На ее маску вечного страдания на лице. К которому чуть прикасался лебяжий пух в пудре.

И насколько я была равнодушна к своей матери. Настолько обожала своего отца.

Мой отец долго хохотал, разглядывая кота странного цвета. Он пожимал ему лапу и трепал загривок. Потом долго и внимательно изучал строение шерсти. Рассматривал ее под микроскопом. И вычислял пропорции цветовых гамм на компьютере. Право, мой отец был прекрасным из прекраснейших чудаков.

– А что сказала мама про этого кота. С такой необыкновенной расцветкой? – этот вопрос папа задал по прошествии долгого времени. Я – то уж понимала. Что он хотел спросить это сразу. Этот вопрос постоянно вертелся у него на языке. И он наверняка репетировал его про себя. Чтобы тот выглядел вполне непринуждено.

– Мама? Мама, по-моему, понятия не имеет. Что котов такого цвета. Ну, просто не существует в природе. Поэтому она нисколько не удивилась. Она просто испугалась. Что он нас всех сожрет.

Я резко прервала свою речь. Отец выжидающе посмотрел на меня. Но я упорно продолжала молчать. Я отлично знала, как он ждет. Ждет, что я еще что-нибудь расскажу про маму. Или хотя бы просто упомяну ее имя. Только от упоминания ее имени отцу уже становилось тепло и приятно. И меня это раздражало. Насколько я обожала отца. Настолько мне доставляло наслаждение его мучить.

Но сегодня мне почему-то стало искренне его жаль.

– Мама очень устала, – выдавила я. – Она лежит на кровати. И смотрит в зеркало. А в зеркале – только круги под глазами. И впалые щеки. Бедная мамочка, – и я нарочито громко всхлипнула.

– Зачем ты так, Люся, – отец взял меня за руку. – Наша мама – замечательный человек. Ей нелегко, Люся. Она так много репетирует...

– Я не нуждаюсь в адвокатах, – прервал наш разговор хорошо поставленный мамин голос. И мы увидели ее. Прекрасное лицо исказило раздражение. Раскосые глаза метали черные молнии. Накрашенные пухлые губы кривились в ядовитой усмешке.

– В адвокатах я не нуждаюсь! Эта гадкая девчонка берется меня поучать! Вчера она без спроса посмела одеть мою юбку. Негодница! Эту – дорогущую вещь! Я сама. Только в редкие праздничные дни. Позволяю ее одевать! Или на телевидение... А она... Просто так... У нее все просто!

Отец успокаивающе провел ладонью по лицу матери.

– Я прошу тебя... Ну, Катенька. Я поговорю с ней. Катя, только успокойся. Если хочешь, я накажу ее... Почему ты без спроса взяла мамину юбку? – отец повернул голову ко мне. И попытался сердито нахмурить брови. Но из этого ничего не получилось. И я его в очередной раз пожалела.

Кот Жан дремал на тахте и, казалось, не обращал никакого внимания на семейную драму. Я взяла отца за руку.

– Пойдем, папа. Это удивительный кот. Он, по-моему, что-то знает.

– Люсенька, ты же видишь. В каком состоянии мама. Я не могу оставить ее одну. Она так расстроена. Она так много работает. Так много репетирует. А ты – иди. Конечно, иди. Если этот кот что-то знает, тебе непременно нужно быть с ним. Ты только... Ну, в общем... – и папа виновато посмотрел на меня.

Я взяла кота на руки. Крепко прижала к груди. И папа поспешно закрыл за нами дверь. Никому не было дела до нас с Жаном. Впрочем, дверь папа мог так плотно и усердно не закрывать. Я наизусть выучила сцены из семейной драмы. Мама будет долго и истерично заламывать руки. И кричать. Что она самая несчастная из всех несчастных женщин вместе взятых. И в конце-концов. Мать в очередной раз уедет от нас. Искать свое счастье. И в очередной раз. Когда ее счастье окажется обманчивым. Она вернется к отцу. И даже некоторое время будет считать свою прошлую жизнь – ошибкой.

– Доченька, – отец заглянул в мою комнату, – иди, простись с мамой.

– Уже? Так быстро?

Мама стояла, держа в руках большущий кожаный чемодан. И почему-то не хотела отдавать его папе. Наверно потому, что ей необходимо было в этот момент за что-нибудь зацепиться. Мама стояла в черном плаще. Туго обтянув ремнем невероятно тонкую талию. Стоимостью в грудное молоко. Лицо мамы блестело от слез. А, возможно, от крема. Она бросилась ко мне. Стала жадно меня целовать. Просить прощения. Повторять, что никогда не простит себе грудное молоко. И что вообще – она бестолковая и негодная мать. И Бог ее обязательно накажет. Но Бог почему-то ее так никогда и не наказывал. И только спустя много времени я поняла. Что он ее давно наказал.

Следующий на очереди стоял папа. И мама повисла у него на шее.

– Митенька, прости. Только ты. Только ты сможешь простить. И понять. Только ты... Береги ее... Кроме вас у меня никого... И вряд ли будет... Берегите себя... – моя мать истерически плакала. Но мне не было ее жаль. И даже спустя многие годы я так и не поняла: были ее слова искренними или нет? Но, по-моему, этого не знала она даже сама. Для нее вся жизнь была сценой. На которой приходилось играть разные роли. И надо ей отдать должное. Делала она это талантливо.

Маме предложили ангажимент за границей. В оперном театре. Более престижном. И он назывался Королевским. И мама тут же решила. Что королевы в нем нет и быть не может. Кроме нее. И умчалась в дальние страны. Бросив нас на произвол судьбы. Правда. Не забыв выпросить у нас прощения. Чтобы вольной птичкой с чистой совестью порхать и петь на сцене Королевского театра.

Мы стали жить втроем. Я. Мой обожаемый папа. И кот ненормального цвета морской волны.

... Мы с Жаном гуляли редко. Нас вполне устраивало сидеть дома. Особенно когда шел дождь. Или когда – холод. Пожалуй. Что и жара нас не так уж радовала. Поэтому мы редко выбирались на улицу. Я забиралась с ногами в кресло. И кот прыгал ко мне на колени. И я. Обхватив руками толстенную книжку. Громко читала вслух. Я уверена. Что Жан понимал все. До последнего слова. Постепенно его кругозор расширялся. Постепенно он узнавал, что такое парижская коммуна. Летающие тарелки. Что такое времена великой депрессии. И что такое микроскоп. Что такое измена. Измена Родине. И супружеская измена. И в чем их отличие. Жан был очень способным и впечатлительным котом. И на каждую прочитанную книжку бурно реагировал.

Любимой героиней Жана стала Жанна Д«Арк. После подробного изучения Столетней войны, а так же биографии народной героини Франции. Кот, завидев блики огня, становился на задние лапы, передние скрещивал перед собой и прислонялся спиной к стене. И жмурил глаза. И на его морде проступала мука всех времен и народов. Впоследствии, он, по-моему, и впрямь внушил себе. Что он никто иной, как Жанна Д«Арк. И стал зазнаваться. Но эту спесь я из него быстро выбила. Посадив однажды на горячую батарею. И тогда Жан, ощутив на себе, что такое огонь, больше не пожелал ни гореть на костре. Ни принимать на себя муки человечества. Его вполне устраивало жить домашним ленивым толстым котом по имени Жан.

– Жан, мой любимый дорогой Жан. Как ты думаешь, зачем нужна мать? Разве без нее нельзя прожить? Очень даже можно. А, возможно, и нужно. Знаешь, как полезна ранняя самостоятельность? Ага! А я знаю. Представляешь, первое слово, которое заставляют детей писать – мама. И на уроке музыки заставляют петь песни про мам. А на уроке живописи все только и делают, что, высунув языки, пытаются изобразить лицо своей матери. Ну, скажи, мой горячо любимый котище по имени Жан. Зачем?

Кот тяжело вздыхал. Чесал лапой за ухом. Открывал рот, желая высказать что-то важное. Но не говорил. Потому что его никто не научил разговаривать.

Папа по-прежнему много работал. Он занимался молекулярной физикой. И мы с мамой понятия не имели. Что это такое.

– Жаль, Люська, что ты ничерта не понимаешь в физике, – вздыхал папа. – Поверь, это самая лучшая профессия.

Я верила. Потому что меньше всего в жизни мне нравилось искусство. Особенно люди, которые его делают. Но понять физику было выше моих сил.

Папа иногда присоединился к нашей компании с Жаном. И пытался объяснять нам вслух свои новые открытия из области молекулярной физики. Кот Жан демонстративно зевал. И сладко засыпал у меня на коленях. А я. Старательно изображая на лице заинтересованность. Широко раскрыв глаза. Смотрела на папу. И в конце-концов, тоже сладко засыпала. И папа уже сам себе что-то долго объяснял.

Мы со страхом продолжали ждать возвращения матери. Мы не могли предположить. Предугадать. Какое настроение у нее будет в этот приезд. И боялись.

На сей раз мама приехала ни злой. Ни счастливой. Ни уставшей от страстей. Ни желающей свести счеты с жизнью. Ни раскаивающейся грешницей. Она просто приехала. Чтобы успеть схватить меня за руку и выпалить на одном дыхании:

– Люська, собирайся! Мы едем на море. Ты же любишь море? Я угадала? Хотя никогда не поймешь, что ты любишь. И что – нет. Меня ужасно раздражает, что ты сама толком не знаешь,

чего... Хотя... Ладненько. Где твои вещи? У тебя вообще есть вещи? На море ты загорись. Поправишься. А то я действительно. Что-то слишком мало уделяю тебе внимания...

Я только было попыталась успокоить маму, что она вполне достаточно уделяет мне внимания. Даже более того... Но мама. Так и не дав мне раскрыть рот, сгребла в кучу мои вещи вместе со мной и потащила вон из комнаты. Успев крикнуть на ходу растерянному, но уже ничему не удивляющемуся папе:

– Ей нужны воздух. Солнце. И вода. Жаль, Митенька, что мы не поедem вместе, – вздохнула на ходу мама. Но почему мы не поедem вместе, она так и не сумела объяснить.

В то время мне уже стукнуло шестнадцать. Для моих ровесниц наступила самая жаркая. Самая счастливая пора – пора любви. Но меня эта жаркая счастливая пора меньше всего волновала. Вернее – не волновала совсем. Мои ровесницы уже вовсю красили ресницы и губы. И носили черные капроновые колготки с розочками на косточке ступни. На переменах они заговорщески перемигивались. И заглядывали в соседние классы. А я. Еле передвигалась по коридорам школы. И мой бессмысленный взгляд лениво бродил по стенам школы. И мои выгоревшие ресницы от скуки опускались вниз. И из моего «хвоста» в черной резинке так же лениво и скучно выбивались светлые волосы. И мои шерстяные колготки собирались «гармошкой» на острых коленках. И мое школьное платье всегда было длиннее спереди. Наверно, от дурацкой походки. А на моем носу вызывающе сидели кругленькие очки. Хотя я не такой уж была близорукой. Короче, о вопросах пола я не задумывалась. По-видимому, в нашей семье вопросы пола решала за всех моя мама.

На море я умудрилась прихватить с собой Жана. Впрочем это было не так сложно устроить. Потому что мама ничего не видела позади себя. Она неслась только вперед, со скоростью ветра. И, как всегда, создавая вокруг себя шум, хаос и суету. И на ходу звонко кричала во все горло. Доказывая еще раз, что у нее прекрасный голос.

– Твоя черепашня походка меня раздражает! Неужели нельзя побыстрее! И почему ты, Люська, у меня такая отморозенная! Неужели тебе самой приятно вот так медленно передвигаться в пространстве...

Я плелась сзади. Обнимая со всей силы Жана цвета морской волны. И прижимаясь щекой к его шерсти.

Мама только в поезде умудрилась удостоить кота своим вниманием. Когда решать вопрос: нужны ли Жану солнце, воздух и вода было уже поздно.

Мы поселились в небольшом, уже почти разваленном домике. В котором пахло сыростью и жареными баклажанами. Спали мы на полу, подложив под голову старое тряпье. Мама визжала от восторга. Оказывается. О такой романтике она мечтала всю жизнь. Вдоволь насытившись роскошной жизнью за границей, ее мечты были вполне понятны. Меня же такая романтика раздражала. Но я к ней быстро привыкла. Как легко привыкала ко всему на свете. Как привыкла к самому свету.

Когда мы появились на пляже. В нас вонзились, словно южные кинжалы, жадные взгляды. И на каждого из нас смотрели по-разному. Самые страстные взгляды, безусловно, возились в мою маму. И самые страстные. И самые острые. И самые южные. И восхищенные. И ненавидящие. В общем, как жила моя мама, так на нее и смотрели. И я впервые по-настоящему заметила. Насколько очаровательна моя мать. И я впервые по-настоящему задумалась, почему ей так не везет в ее любовных исканиях. И мне впервые захотелось, чтобы ей непременно повезло. И впервые этим желанием я предала папу. И предательство мое было мгновенным, секундным, молниеносным. И этим я себя оправдала.

На меня же все смотрели просто с любопытством. И я это отлично понимала. Все гадали: кем я прихожусь этой хорошенькой женщине? Подружкой? Сестрой? Племянницей? (это уже в крайнем случае).

На кота Жана смотрели с недоумением. Цвета морской волны? Но почему? Котов такой расцветки не бывает. И этот жирный высокомерный кот вовсе не похож на эту мягкую красивую морскую волну. В которой с удовольствием плескаются все.

Моя мама стала королевой пляжа. Моя мама стала королевой моря. Моя мама стала королевой солнца. Моя мама стала просто королевой.

– Ты же моя дочь. Ну почему ты какая-то... Ну, я не знаю, я не хочу сказать, что ты не красива. Ну, вот почему ты, к примеру, лохматая? Да распусти ты свой дурацкий хвост! Пусть твои волосы падают на плечи. У тебя красивый, густой волос. А походка? Я не понимаю, в кого у тебя... Ведь тебе уже давно минуло шестнадцать. Неужели нельзя хоть чуточку следить за собой? А эти дурацкие очки! И без них прекрасно можешь обойтись. Я тебе привезла столько шмоток! А ты все в этих дешевых шортах и сандалях! И почему ты ни с кем не дружишь? Люська, ну почему? Ты считаешь, что друзья – это... Что их вообще не бывает? Ты не права, девочка... А этот дурацкий кот! Это чудовище!... Я хочу, чтобы моя дочь была достойна своей матери...

У меня же не возникало никакого желания быть достойной своей матери. И общества Жана мне вполне хватало. И вполне устраивало. И генетическую теорию я считала грубой ошибкой Дарвина.

На море мы приехали вместе. Но так уж получилось, что по отдельности проводили время. И по-разному. Единственное. Что нас объединяло – это прогулки у моря. Но и прогулки у моря мы совершали в одиночку. В разное время. И в разную погоду. И в разное настроение. Так уж получилось.

Моя мама любила гулять по утрам. Она была ранней пташкой, моя мама. И пела не только в Королевском театре. Случалось, что и просто так. Голос у нее был сильный. Уверенный. Даже низкий. Душа у моей мамы была очень хрупкой. Растерянной. Даже жалкой. А сама моя мама была... Бог знает, какой была моя мама...

Мама набрасывала на голые плечи черную паутинную шаль. Связывала волосы красной атласной лентой в огромный пушистый хвост. И босиком, в тоненьком купальнике ранним утром шла к морю. И никто не мог догадаться – холодно ей или нет. Кожа ее не погрывалась «гусиными» лапками. Она была гладкой и скользкой, как волны моря. И губы ее не синели от холода. Они были пастельно-розовыми, словно к ним прикасалось утреннее небо. И плечи ее не сутулились от холода. Они были прямыми, как отшлифованный мрамор. И руки ее, словно крылья птицы, плавно взлетали вверх в такт невесомым шагам.

Моя мама никогда не могла смириться с тем, что на свете существует старость. Она жмурилась при виде стариков. Она закрывала уши, когда слышала это слово. Она пряталась в мире музыки. В храме красоты. В иллюзиях совершенства. Если чувствовала дыхание старости на своем лице... Годы считать она наотрез отказалась. И любила она молодых. И Бог миловал ее, он не опустил на ее тело старость. Не покрыл его дряблостью и морщинами. Не осыпал волосы россыпью снега. Почему Бог миловал ее. Всю жизнь алчно пьющую грех. Мне это было трудно понять. И лишь спустя многие годы я это поняла.

Мою мать. Пессимиста по разуму. Мозахиста по душе. Меланхолика по сердцу. Всю жизнь берегла судьба. Лишив ее неудач. И просто невезенья. И тем самым лишив ее самого главного. Того. Чему она решила посвятить свою жизнь – науке страдания. Но для страданий у нее не было причин. И ей пришлось самой их искать. Самой создавать. И придумывать. И надо отдать должное – ей это иногда удавалось.

Моя мать. Божественно красивая. Черноволосая. Босоногая. Розовокожая. Гибкая. Плавно приближалась к морю. Опускала свои ноги в остывшую воду до щиколоток. И пела. И ее песню слышало своенравное море. И любило мою мать. И благодарно целовало ее ноги. И эту песню слышало самолюбивое солнце. И любило мою мать. И целовало сквозь черную

шаль ее плечи. И эту песню слышал строптивый ветер. И любил мою мать. И целовал ее розовокожее тело.

И море, и воздух, и солнце. И небесные силы. И земная природа. Все. Все. Все не понимали. Как можно не любить мою мать. Настолько она была совершенна.

Я же была равнодушна к своей матери. А значит – я ее не любила. Я не любила ее за то. Что у меня ее не было. Я не любила ее за то, что нуждалась в ней. Что боялась за нее. Что ждала ее возвращения. Считая крупинки риса, чтобы быстрее тянулось время. Вспоминая каждое прожитое мной мгновенье. Чтобы быстрее шло время. И только когда зерно было просчитано. Когда из воспоминаний было выжато каждое прожитое мгновенье. Моя мать возвращалась. И я, глядя на нее. Равнодушно пожимала плечами. И укрывалась в своей комнате.

И лишь теперь. На море. Слыша по утрам песню красавицы-матери. Босоногой. Черно-волосой. С красной атласной лентой. Запутавшейся в черных волосах. И черной шалью, брошенной на голые плечи. Слыша песню женщины, которую Бог наделил всем. Женщины. Которую Бог уберег от всего. Так и не дав ей самого главного. Той любви, которую придумала ее воспаленная фантазия. И о которой она так грустно пела по утрам... Слыша ее грустную песню. Впервые за 16 лет в чувство равнодушия робко и боязливо вкралось чувство жалости. И я во второй раз предала отца. Как мне тогда казалось.

Как-то я вернулась с пляжа раньше обычного. И через приоткрытую дверь нашего дома заметила маму. Сидящую за столом. И молодого человека. Прислонившегося к стене.

– Но почему ты только смотришь на меня, – отчитывала мама парня. – Почему ты ничего не говоришь?

Мама нервно барабанила пальцами по столу.

– А? Я не понимаю! Но почему! Я смущена. Мне некуда деть руки. Ты же видишь. Я не знаю, куда подевать эти дурацкие руки.

– Вовсе и не дурацкие. У тебя нежные. Красивые руки, Катя. Но в любом случае, ты можешь взять книжку. У тебя есть книга? И полистать ее...

– Ты так думаешь? – мама принялась рыться в чемодане. Среди пустых пачек от сигарет. Помятой одежды. Конфетных фантиков. Всяких баночек, коробочек и других мелких, ненужных вещиц она наконец отыскала толстенную книжку. И с гордостью вытащила ее. Точно не припомню. Но это была, по-моему, история древнего Китая. Какое отношение имеет Китай к моей маме – на это вряд ли бы кто-нибудь ответил.

– Действительно, как я сразу не догадалась. Это же так просто, – мама стала лихорадочно листать книгу о древнем китайском народе. И больше всего ее заинтересовали яркие рисунки. – Интересная книга. Но почему? – и она вновь подняла взгляд на парня. – Чтонибудь случилось? Ты так изменился. Стал таким молчаливым. Серьезным. Даже каким-то печальным. Именно! Печаль я читаю в твоих... глазах. Я так надеялась. Нет. Я была уверена, что нам здесь никто не помешает...

Я наконец широко распахнула дверь, и переступила порог дома.

– Извините, я, кажется, подслушала ваш разговор.

– Ты! – мама от негодования выронила книжку. – Ты всегда мне хочешь помешать! Испортить! Ты...

Мама искала, и не находила слов.

Слова нашел молодой человек. Он приблизился ко мне вплотную. И довольно галантно поцеловал мою руку. А его раскосые голубые глаза бегали по моему лицу. И в них действительно прочитывалась печаль. Я не отводила взгляд. Да. Этот парень был бесспорно интересен. Я с любопытством вглядывалась в его глаза. И думала, какой у него удивительно японский разрез глаз.

– Меня зовут Мак, – он широко улыбнулся. И я увидела, какая у него удивительно американская улыбка.

– Ма-а-ак, – протянула нараспев я. – Ваши родители, видимо, были без ума от цветов. Наверно садовниками? Но почему мак. А не василек, к примеру.

– Примеров можно привести тысячи. Кстати. К такому роду имен я тоже отношусь весело. Но мое имя меня вполне устраивает, – и Мак почесал свой нос. И я увидела, какой у него удивительно греческий нос. – Но, к сожалению, мои родители были равнодушны к цветам. Но не равнодушны к философии. Маккиавели – их любимый философ.

– Ей всего шестнадцать. И она равнодушна к вопросам пола. И друг у нее только один. Какой-то помойный кот. Кстати, какого-то ненормального цвета – морской волны. Мне раньше казалось, что таких котов вообще не бывает. И имя почему-то французское – Жан. Франция так далеко...

Мама уже не листала книгу. И не барабанила пальцами по столу. Лицо у нее было усталое. И мне показалось – чуть постаревшее...

Кот Жан любил гулять исключительно днем. Утром он как правило спал. Вечер нагонял на него необъяснимую тоску. От которой он прятался за мою спину. Внимательно наблюдая. Как мы с мамой раскладываем пасьянс. Или играем просто в «дурака».

Я бы не сказала, что мы с ним были хорошими друзьями. Но хорошими приятелями, пожалуй, все-таки были. Нас объединяло одно: мы были в равной степени циничны.

Но если мой цинизм остановился на степени равнодушия к окружающему миру. То у Жана он перерос в озлобленность и неприятие этого мира. И я это чувствовала. Но прощала Жана. Потому что он был моим единственным, если не другом. То приятелем точно.

Жан считал себя очень несчастным котом. Вернее, незаслуженно обделенным счастьем. Счастье у Жана ассоциировалось с одним понятием – понятием славы. И Жан считал, что он вполне имеет на это право. По твердому убеждению Жана, которое я читала в его хитрющих зеленых глазах. Слава – это единственное, что может подарить человеку все. И нечеловеку тоже. И Жан вначале делал ставку на свой внешний вид. Он отлично усвоил. Что котов цвета морской волны не бывает в природе. И вот вопреки общему мнению появляется он. Огромный, лохматый, морской. Ни на кого не похожий. Умный, всезнающий. И много повидавший в противоречивой жизни. Он устало оглядывался вокруг себя. И презрительно фыркал в лицо любопытным зевакам. Тыкающим в его пальцами. Бесспорно, внешний вид Жана заставлял задерживать на себе внимание прохожих. Но не более. Кроме раскрытых ротов. Смешков. Недоуменных пожатий плечами. Он ничего не имел.

Правда, один раз даже появилась заметка в вечерней газете о селекции животного мира. Но ни к чему хорошему это не привело. К нам домой нагрянула делегация ученых, журналистов, фотографов. И Жан понял – вот его звездный час. Он заискивающе терся шерстью об их ноги. Преданно заглядывал в глаза. Как маникеник ходил с гордо поднятой головой по комнате. Когда его снимали. Но в конце-концов, узнав о решении важных мужей. Расстроился, поник. И, если бы умел плакать. Наверняка бы разрыдался. Потому что было принято решение – поместить кота с необычной шерстью в научную лабораторию. Для проведения исследования и опытов. С целью дальнейшего развития отечественной науки. Наверняка, за счет Жана уже многие мечтали получить научные степени и написать диссертации. А в сущности на кота всем было глубоко плевать. И он это быстро понял. И прыгнул мне на колени. И лизнул мою руку. Он вновь хотел быть толстым ленивым котом. И ни за какую славу не хотел променять свою сытую жизнь в нашем доме. Потому что на развитие отечественной науки Жану тоже было глубоко плевать.

Поэтому я решила взять удар на себя. И во чтобы то ни стало защитить моего приятеля. Я заплакала (в отличие от Жана это я делать умела). Громко шмыгнула носом. И заявила. Что все это выдумки. Что я смешав зеленку и синьку. Перекрасила шерсть этого обычного подворотного кота. С единственной целью – прославиться. Меня пожурили, но поверили. Поверить

в мое желание прославиться было гораздо проще и легче. Чем поверить в цвет морской волны у кота.

На этом, пожалуй, звездный час Жана и закончился. Но он не хотел сдаваться. И решил для себя, что его внешний вид – это для дешевой публики. Но дешевая публика его не устраивала. Жан по-прежнему считал себя отпрыском аристократической породы. Родственники которой, по мнению Жана, живут за границей. Поэтому, если его звезда взойдет. То только не над толпой серых масс. А над кружком избранных. И он сделал для себя открытие. Он не сиамский кот. И не сибирский. И даже не... И вообще ни какой другой. Он кот – элитарный. Но чтобы это поняли другие. Ему, как воздух, нужна была слава. Поэтому Жан так вдохновенно увлекся идеями Семилетней войны. И ореол мученичества Жанны Д«Арк воспринял как свой собственный. О, нет! Ему не было дела до угнетенной толпы. И тем более он не собирался гореть ради нее синим пламенем. Он понял другое: мука – вот удел известных личностей. Миллион терзаний – вот самая верная ступенька, ведущая к признанию. Над Жанной он посмеивался из-под длиннющих усов. И втайне считал ее наивной простушкой. Чего стоит слава? Если ее сладкие плоды не вкусить при жизни. Это один из любимых вопросов, которые он молча задавал окружающему миру. И не дожидаясь ответа. Потому что этот вопрос был риторическим.

Внутренние противоречия – вот что было написано на морде Жана, когда он появлялся на улице. Мученичество и одиночество отливались на его неправдоподобной шерсти.

Жан не любил нашу семью. Я это тоже чувствовала. Он завидовал моей матери за то, что она вдоволь купалась в лучах артистической славы. Он презирал отца за то, что тот не терпел популярность. И особенно ее последствия в нашей семье. Он свысока жалел меня. За мое полное равнодушие к лаврам. Во всех их проявлениях.

Однако волей-неволей, хотел он этого или нет. Жан набирался знаний. От нашей семьи. От дневных прогулок. От многочисленной информации, которую обрушил на его зелено-синюю голову конец века.

И как обычно, Жан шел к дневному морю. Его зелено-синяя голова была поднята вверх. Его зелено-синие лапы важно ступали по раскаленному песку. Его зелено-синий хвост распушился павлиньим. И на его морде было написано зеленым по синему (или наоборот) – глубокое. Как море. И вечное. Как камень. Страдание всех времен и народов.

Кот Жан пел по-своему. Тягуче и хрипло. Но я его хорошо понимала. Поскольку способность к языку природы я проявила еще в детстве. Мне с детства было гораздо проще понять природу. Чем человека. И я жалела Жана. По сути безродного и беспородного кота. По воле генетики окрашенного не в самый удачный цвет из всех существующих на земле. И по воле Бога занесенного к нам в дом. И как потом оказалось – только не к счастью.

... Я любила гулять по вечерам. И не потому, что вечером так романтично. И солнце спряталось. И море охладело. И таинственные шорохи вокруг. И лодка покачивается на мели. И скупое молчание темноты. Нет, романтика здесь ни при чем. Хотя и ее нельзя отрицать в моих вечерних прогулках. Я любила гулять в это время потому. Что мне никто не мешал. Это не значит, что не задевали плечом. И не наступали на ноги. Или. Например, не кричали на ухо. Мешая думать. И не задавали вопросов. На которые нужно было обязательно отвечать. Нет. Здесь совсем другое. Мне трудно объяснить. Но мне нравилось в вечере то. Что мне просто не мешали. Я существовала как-то сама по себе. Без внешней оболочки. Я чувствовала себя улиткой без раковины. Ее необходимость ночью отпадала. Я могла легко сбросить ее с плеч. И не почувствовать боли. И не бояться остаться наедине с собой. И не бояться остаться просто собой. Потому что мне не мешали. И я не пела песен ночью. Как мама. И не грустила о вечном. Как Жан. И не любовалась морем. И не пила захлеб чистый морской воздух. И не слабела от мыслей. Я сама была и песней. И морем. И воздухом. И мыслью. Мне не мешали.

И еще меня привлекало в вечерних прогулках к морю – их однообразие. Вечера повторялись. Повторялось дрожание воздуха. Повторялось покачивание лодки. Повторялось отсутствие солнца. Повторялись таинственные шорохи. И прохлада моря повторялась. Я наслаждалась однообразием вечеров. Их скукой. Я не любила перемены. Бурные всплески. Внезанные падения. Внезапные взлеты. То, что так боготворила моя мать. Я не могла полюбить. В однообразии вечеров я и улавливала саму вечность. И она уже не являлась для меня абстрактным философским понятием. Она напоминала часы. С циферблатом. Секундной стрелкой. Тик-так. Тик-так. Тик-так. И так из вечера в вечер. И так из месяца в месяц. И так из года в год. Из века в век. Из вечности в вечность. И всегда – я. И всегда – ночь. И всегда – море. Я чувствовала, что способна словить мгновение. И это мгновение облечь в вечность. Я смотрела на свои вечные часы. Прикладывала их к уху. Слышала равномерные удары мгновений. И ничего не боялась. И ничего не пела. И ни чем не упивалась. Я сама была и песней. И морем. И воздухом. И мыслью. И вечностью...

Я не знаю, следил ли за мной Мак этим вечером. Скорее всего – да. Но я не слышала шаги позади себя. Как всегда – я ничего не слышала. Я настолько ушла в себя. Что не воспринимала окружающий мир. А он был. Хотела я этого или нет. И сегодня вечером этот мир представлял красавчик Мак.

И я вздрогнул от неожиданности. Увидев его на пляже. И сразу же поняла. Он попытается нарушить мою вечность. Изменить ее. И перевести стрелку моих часов вперед. А, возможно, назад. Этого я не хотела. Мое однообразие настолько заполнило мой внутренний мир. Что отказаться от него было бы равносильно смерти.

– Зачем вы здесь? – спросила я. Хотя все уже давно поняла. Я всегда все предчувствовала раньше предстоящих событий. Гораздо раньше.

Мак сжал мой локоть. И я почувствовала, какие у него холодные пальцы. А потом я почувствовала, как они забирают тепло моих рук. Моих плеч. Моего тела. Мое тело похолодело. Дрожь пробежала по моей коже. А потом – слабость. Слабость до головокружения. Слабость до мизинца на правой ноге. Слабость до приступов височной боли. Я уже знала такую слабость. В детстве. Когда почти физически осознала. Что тоже умру. Вот тогда я и придумала свои вечные часы. Тик-так. Тик-так. Тик-так. Вечность – тик-так. И все повторяется до такой степени, что умереть невозможно. Потому что я тоже повторяюсь. Но сегодня вечером... Нет. Сегодня не просто страх. Сегодня я впервые поняла. Что на свете существует любовь.

Я, конечно, всегда знала любовь. И никогда ее не делила. Я могла влюбиться в дерево на нашей даче. Ухаживать за ним, как за ребенком. Часами стоять с ним в обнимку, задрвав голову. И любуясь пышной зеленой листвой. С той же одержимостью я когда-то влюбилась в нашу двадцатилетнюю соседку. Следила за ней. Копировала ее походку и жесты. И по ее примеру носила одно время исключительно «немецкую стрижку». С той же страстью я любила отца. Доброго, великодушного, но слабого человека. Растратившего жизнь на любовь к матери. И никогда не жалеющего об этом...

Мак до боли сжал мой локоть. И я физически поняла, что на свете существует еще другая любовь.

Конечно, я и раньше знала о ней. Знала, что из-за нее бывают бессонные ночи. Из-за нее проливаются слезы. И даже сочиняются в лунную ночь стихи. Но моей флегматичной натуре все эти романтические прелести были чужды. Любовные страсти, как остросюжетные мелодрамы прокручивались перед моими глазами с раннего детства. И главной героиней этих профессиональных работ была моя неугомная мать. Я же себя слишком любила, чтобы любить кого-то еще. Я жалела свой сон. И жалела свои слезы. И жалела свои рифмы отдавать какой-то любви. А, проще говоря. Я была к ней равнодушна. И мальчишки для меня просто не существовали. И,

видимо, только поэтому они на меня так часто заглядывались. Их тянуло ко мне. Им настолько глубоко кем-то была заложена мысль о превосходстве недоступных и гордых женщина. Что они по-инкубаторски ее проглатывали и переваривали. И другое отказывались принимать. Во мне как раз они и нашли тот тип девушки – недоступной и гордой. И меня. Честно говоря. Это всегда веселило.

Я не была ни недоступной, ни гордой. Меня просто не интересовала любовь. И я веселилась про себя. Когда они по очереди тащили мой черный пошарпанный портфель. А я, в шерстяных колготках, собравшихся «гармошкой» на острых коленках. С растрепанными волосами. Длиннющая. Тонкошеея. Дышала на кругленькие стекла очков. И иронично смотрела на них. И веселилась про себя. Я была полной противоположностью своей матери. И этот свой образ я придумала не специально. А подсознательно. Не желая никаким образом повторять ее непутевую жизнь.

А моя мать – красавица и умница. Страдала по-прежнему от любовных неудач. И одна из причин ее невезения – чрезмерная страстность. Чрезмерное самопожертвование. Этого мужчины не понимали. И боялись. Возможно, на них действовал неустойчивый климат. И они красоту. Соблазнительность. Шарм. Безболезненно меняли на потупленный взор серых глаз. Запеченные бутерброды с рыбными консервами. И семечки у телевизора. Что ж. Они это принимали сами. И сам улепетывали все это за обе щеки с преогромным удовольствием.

И я еще больше уважала своего отца. За то, что он не был на них похож. Хотя, возможно, у него такая ненормальная любовь к матери была не от рождения. А от длительной стажировки во Франции. Как знать...

Во мне мальчишки нашли подобие идеала. Хотя я была так далека от него. Вот поэтому я. Задрал нос к потолку и дыша на свои придуманные кругленькие очки. От души про себя улыбалась.

... Как только Мак до боли сжал мой локоть. Я сразу же поняла, что не смогу вычеркнуть любовь из своей жизни. Как бы мне этого ни хотелось. Она все равно существует – хочу я этого или нет. И первым ее вестником для меня стал этот породистый красавчик Мак.

– Какой у тебя удивительно греческий профиль, – сказала я первое, что пришло мне в голову.

Как всякий красивый парень. Он мгновенно решил, что я от него без ума.

– У тебя еще удивительно японский разрез глаз, – сказала я второе, что пришло мне в голову.

И пронизательный человек уловил бы иронию в моих словах. Но как всякий красивый парень. Мак ничего не желал улавливать. И в тот час решил, что терять время на женщину – совсем не обязательно. И он мне широко улыбнулся. Вложив максимум обаяния в улыбку.

– Какая у тебя удивительно американская улыбка, – сказала я третье, что пришло мне в голову. Уже с откровенной издевкой.

И как всякий красивый парень, он решил, что все бабы – одинаковы. И Маку стало даже немножечко досадно от такой легкой победы. Как и всякому, не видевшему Париж.

Я точно знала, что Мака никогда не полюблю по-настоящему. Но я была благодарна ему за первую влюбленность. За первые улады. За то, что для себя открыла Элладу.

– Но в тебе, Мак, к сожалению, ничего больше нет. Твои родители сделали ошибку, назвав тебя Маком. Маккиавели был замечательным философом. С заурядной внешностью. Ты знаешь, я бы предпочла Маккиавели.

Мак побледнел. И оторвал наконец руку от моего локтя. А я облегченно вздохнула. Я победила свою первую влюбленность. Мои часы вновь затикали в однообразном жизненном ритме.

И вдруг я возненавидела свои часы. Вернее, возненавидела их моя кожа. Мой локоть, которой только что держал в ладони Мак. Мое упрямое тело. И я безжалостно раздавила в ладони свои вечные часы. И их стрелки безжизненно упали на южный песок. И утонули в нем.

Я резко рванула к Маку. И очень неумело. Очень неловко. И очень искренне обхватила его шею руками...

Ах, Мак! Красавчик Мак! Маккиавели? Не смейся меня. Хотя ты не был самым красивым парнем, повстречавшимся мне на жизненном пути. Ты не был и самым глупым из них. И я тебя очень уважала, Мак. Но полюбить я тебя не могла. И всегда благодарила Бога, что ты был моей первой влюбленностью. Именно ты...

Первым заметил синяк на моем локте котище Жан. Наконец-то! Наконец-то он понял. Что его долгожданный час наступил. Хоть как-то насолить мне. И уже тем более моей матери. С которой у них были всегда напряженные отношения. Зачем ему понадобилось это? Ведь мы с ним были... Если не друзьями, то приятелями точно. Но я его не осуждала. Злость, долго накапливающуюся от неудач и зависти. Он должен был куда-то вылить. И он щедро вылил ее на мою голову.

Жан, скромно потупив взгляд, плавно прыгнул на мои колени. Громко, чуть истерично (что ему было несвойственно) мякнул. И обратил на себя внимание. Мама резко повернула голову в нашу сторону. И Жан, подловив момент, демонстративно лизнул синяк на моем локте.

Мама подозрительно сощурила глаза.

– Что у тебя, Люська? А? Мы ходили на пляж – у тебя были чистые руки. После обеда мы катались на катере. И я видела! Да! Да! Видела! Отлично видела твои руки. И я даже обратила внимание, какие они у тебя тонкие и нежные. Единственное, что может остановить на тебе внимание. Почему ты не отвечаешь? А вечером... Вечером я не ви... А куда... Где ты была вечером?

– Мама, я прошу. Успокойся. Я была как всегда – у моря.

– И синяк у тебя от чистого морского воздуха? Или от звездного неба? Или ты, как ребенок. По-прежнему спотыкаешься на ровном месте?

Я отвела взгляд. Конечно, я могла солгать. Я умела хорошо врать. Честно глядя в глаза. Но на сей раз... Я до сих пор не могу понять. Почему я это сделала. Скорее, от очередного желания унижить мать. Тем самым защитив своего обожаемого отца. И в этот момент я как никогда была похожа на своего приятеля Жана. И мне это самой не понравилось. Но я упрямо, сглотнув слюну, предательски отвела взгляд.

Мама прыгнула... Не подошла, не подбежала. А резко прыгнула, как кошка, на диван. Опустилась возле меня на коленки. И впиалась глазами в синяк на моем локте.

– Я узнала. Это его подчерк. Хватать свою жертву за локоть. И оставлять после себя такие аккуратные синяки. Во всем мире это способен делать только один человек – Мак!

Мама слегка прикоснулась к моему локтю.

– Бесспорно, Мак... Лучше бы ты все отрицала, Люська...

Я ждала, что мама меня ударит. Или станет трясти за плечи. Или кричать, что покончит жизнь самоубийством. Или... Но он как-то обмякла. Мне показалось – даже потеплела кожей. Обхватила коленки руками. И уткнула в них свое бледное, постаревшее лицо.

– Ма-а-а-к, – протянула она жалобно. – И он тоже... Я так и знала. Ты, Люся... Но почему?...

Все осталось по-прежнему. Мама по-прежнему пропадала где-то вместе с этим породистым многоциональным парнем. Я по-прежнему вежливо с ним здоровалась. Пожалуй, чуть вежливее обычного. И кот Жан по-прежнему страдал по очереди у всех на коленях. Все, казалось, забыли эту историю с синяком. Списали ее на духоту вечера. На укусы комаров. И на

перевозбуждение организма от излишней дозы кофеина. Который употребляли в виде молотого кофе.

И все же, я думаю, в одиночку эту историю переживал каждый. Меня мучали угрызения совести. Которые я пыталась заглушить внутренним монологом. Суть которого в моей мести маме за то, что у меня ее никогда не было.

Иногда я ловила на себе пыливый взгляд матери. И это не был взгляд человека, недоумевающего, как могло вырасти такое чудовище. Это был взгляд матери. Полный сострадания и любви. Только спустя многие годы я по-настоящему поняла, что мать искренне любит и жалеет меня. И искренне переживает. Что не смогла должным образом выразить эту любовь.

Мак, наверняка, переживал, что влип в такую глупую ситуацию. И частенько виновато поглядывал на меня. Словно прося прощения. И я ему молча отвечала взглядом, полным прощения. Я на него не злилась. Наоборот. После истории с Маком. Я чаще стала заглядывать на себя в зеркало. Нет. Я не хотела измениться. Я просто хотела убедиться, что я не дурна. Что у меня вполне красивые большие глаза. И пухлые губы. И нежная кожа. И мне казалось. Что я уже не одна. Что однообразие моего «я» навсегда растворилось в вечере на пляже, когда я испытала влюбленность. И теперь я как бы состою из тысячи разных «я». И каждое «я» – живое. Имеет свое сердце. Которое весело бьется. И свои легкие. Которые легко дышат. И свои раны. Которые напоминают о себе по ночам. И мне уже было приятно осознать. Что я не одна. Что я могу меняться каждый день. И могу обманывать. И никому не суждено узнать. Кто я на самом деле.

Я вертелась и вертелась у зеркала. Хитро подмигивала своему отражению. И любовалась своими образами. Которые молниеносно меняла.

Мама приблизилась не слышно. И сжала мои плечи. И прижала мою голову к своей груди.

– Я так этого не хотела... Но я знала... Но я так этого не хотела...

– О чем ты, мама? – я покраснела. Что было мне не свойственно.

– Лучше бы ты оставалась прежней. Лучше бы никогда не узнала этой влюбленности.

Когда не высыпaeшь ночью – весь день даром. Весь день. Словно с похмелья. Перед глазами – туман. И движения плохо скоординированы.

– Я не понимаю, мама, – как всегда соврала я.

– А потом... А потом оказывается все напрасным. И не твоим. Но все частицы твоего тела живые. И они действуют наперекор твоей воле. Твоему разуму. Они кормят твои желания... И я несмотря ни на что люблю древнюю Элладу. И ценю талант наслаждения этих красивейших из красивых людей. Возможно, они и были прекрасны, потому что умели наслаждаться.

– Мама, я пойду. А зеркало? Это такие пустяки. Тем более – в моем возрасте. Ты сама знаешь, это так естественно. Все девчонки часами крутятся у зеркала. Они там хотят увидеть себя настоящую. А видят – обман. И все равно часами крутятся. Вот так, мама. Все так просто.

– Да, так всегда у тебя – все просто. Но я не про то... Зеркало, действительно, пустяки. Но тут... Я открыла... Нет, пожалуй, открыл кто-то другой. Но мои опасения подтвердились. Наследственность... Гены... Они так сильны. В общем, конечно, много различий. Но в деталях! Тот же цвет кожи и глаз. Та же привычка сутулить плечи. Похожие сны. Ты не замечала? Ты не замечала? И тут уже не важно, что один умный, а другой – дурак. У них та же кровь...

– Мама, это все сбивчиво, запутанно. Ты волнуешься. А я не требую от тебя прямого ответа. Мне он не нужен. Оставь меня, мама.

– Нет! – мама вскрикнула и вцепилась накрашенными ногтями в мою руку. – Запомни, Люся!

Глаза мамы лихорадочно заблестели.

– И любовь... Нет! Желание любви – это тоже наследственно. И я это поняла. И от этого не сбежать. Ты моя дочь. Но ты – не я. Но ты – моя дочь...

Кто бы мне когда-нибудь ответил. Сколько стоил бы один килограмм ветра. Если бы он продавался.

Или сколько бы стоил литр росы. Если бы она продавалась.

Или сколько бы стоил квадратный метр морозных узоров на замерзшем оконном стекле. Если бы они продавались.

Я ведь знаю, что все имеет цену. Даже то, что бесценно. И я знаю, что наверняка бы купила любовь. Если бы она продавалась.

Настоящую любовь. Сотканную из узоров на замерзшем оконном стекле. Обветренную южной ночью. Умытую вечерней росой. Пахнущую набухшими почками миндального дерева. Дышащую парным молоком. Вкусную. Как сок раннего клевера...

Я бы купила любовь.

Если бы она была настоящей.

Я завернула бы ее в кружевной платок. И положила в шкатулку. Рядом с бирюзой, изумрудом, бриллиантом. Я бы доставала ее в будни. Когда капли дождя стекают по стеклу. Когда в глазах – слезы. И в сердце – боль. Я бы доставала ее из шкатулки. Разворачивала кружевной платок. И драгоценности выглядели бы жалкими камнями. Которые подбрасывает ногой прохожий на осенних дорогах. Я бы держала ее в ладонях. И ладони бы мои горели. И комната моя бы горела. И дождь за окном горел.

И слезы бы высохли...

Кто бы мне когда-нибудь сказал. Во сколько бы мне обошлась настоящая любовь. Если бы она существовала в природе...

Говорят, что перед смертью больному становится легче. Я в это верю. Компенсация за муки – тоже одна из удачных выдумок природы. Когда-то в детстве я видела, как умирала раненая птица. Не знаю. Сколько усилий ей стоило взлететь. Беспомощной и обреченной. Но она взмахнула крыльями. И тут же камнем упала на прутья железной клетки. Я верю. Что перед смертью человек испытывает чувство полета. Пожалуй, перед каждым трагическим событием жизнь бросает подачку в виде какой-то удачи. Словно заранее извиняясь. Жизнь извинилась досрочно и перед моей красавицей мамой...

Мы приехали с юга похудевшие. Загоревшие. И повзрослевшие. Мамины глаза стали еще синее. Они как бы вобрали в себя всю синеву моря. А у Жана еще больше распушился хвост. Так что его потенциальные возможности расширились. А я выросла на целых полтора сантиметра. Что окончательно испугало моего отца. Который в очередной раз отмечал карандашом на обоях мой рост.

– Ну, скажи мне, Люська. Ответь, негодница! В кого ты такая длиннющая.

– Не приставай к ней. Она не выросла. Она просто повзрослела, – и мама как-то задумчиво. Как-то очень глубоко. Очнь проникновенно посмотрела на папу. Словно впервые сумела его разглядеть. И в маминых глазах можно было увидеть. Какое оно – море.

С этих самых пор мама с папой погрузились с головой в семейное счастье. Они часами пропадали в спальне. Каждые полчаса созванивались, если одного из них не было дома. На улице бросались друг другу в объятия. Бесконца дарили друг другу подарки. И наш дом был каждое утро завален свежими. Только что срезанными цветами. Это называлось – любовь. Мама наконец-то по-настоящему влюбилась. Мама наконец-то, пройдя через ошибки и разочарования, поняла. Кто самый лучший, самый достойный и самый порядочный человек в мире. В их отношениях появилось столько искренности. Тепла. И обожания. Что меня окончательно испугало и встревожило. Уж кто-кто. А я знала наверняка, что такие отношения недолговечны.

В нашей семье. Их любовь была ранена изначально. Их любовь была обречена. И я не ошиблась.

Кота Жана благополучие в семье явно раздражало. Его мнение по-прежнему оставалось непоколебимым: люди талантливые (под талантливыми людьми он справедливо, несмотря на свое тщеславие, подразумевал мою мать) не могут и не должны быть счастливы. В ином случае они погибнут для искусства. И чтобы не дать погибнуть таланту. От имени его высокоблагородия Искусства. Кот Жан ненароком засунул лапу в мамину сумочку. И вытащил оттуда маленький конвертик. Конвертик действительно был совсем крошечным. Потрепанным и невзрачным. Он терялся среди таких же мелких и потрепанных маминых вещиц. Мама наверняка по рассеянности забыла его выбросить. Но кот Жан, надо отдать должное его проницательности, среди мусора в маминуй сумочке обратил внимание именно на него. И не просчитался.

Жан, съезжившись, сидел у паиных ног. И продажно вглядывался в его глаза. Которые истерично бегали по строчкам неотправленного письма.

«Мой милый, единственный Мак... Мой самый любимый человек... Мой легкомысленный философ...»

То наслаждение, которое я с тобой узнала. То счастье, о котором я никогда не подозревала... Только ты мне помог понять. Что счастье все-таки существует. Спасибо тебе за это... В жизни я растрчиваю себя на бессмысленные заботы. А я хочу, чтобы у меня всю жизнь кружилась голова... Я хочу всю жизнь чувствовать за своей спиной крылья. Знать, что я в любую минуту могу вот так просто... Взлететь... У тебя такие невероятно сильные руки. Рядом с тобой я ничего не боюсь... Мой дорогой Мак... Мой легкомысленный философ...»

Папа в ярости пнул Жана ногой. Кот недоуменно почесал лапой за ухом. Начитанный и образованный, он не знал, что между преданностью и предательством знак равенства не стоит.

С тех пор наш дом стал напоминать переспелый арбуз. Который уже треснул в нескольких местах. И гнилая мякоть уже просачивалась из его дыр.

Папа запил. Он открывал дверь, держась обеими руками за стены. И его полные слез глаза блестели гневом. И я терялась. И мне казалось, что передо мной совсем чужой человек. Только внешне напоминающий прежнего. Веселого. Неунывающего. Доброго папу.

Отец доставал из помятых штанов потрепанный. Искусанный. Зажеванный. Склеенный в нескольких местах клочок бумаги. Разглаживал его дрожащими руками. Дул на него. И громко читал вслух заплетающимся языком:

«Мой милый, единственный... Мой легкомысленный философ... То наслаждение, которое я с тобой познала...»

Мама ежилась. Бледнела. Закрывала лицо руками. Иногда пыталась бежать. Но отец как-то сразу трезвел. Отшвыривал ее от двери. И кричал перекошенным ртом:

– Нет! Ты слушай! Слушай! Ты все слушай! До последней капли! Дрянь! «То наслаждение, которое я с тобой познала. То счастье, о котором и не подозревала...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.